

АГИОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В РАССКАЗЕ Е. ПОСЕЛЯНИНА «НИКОЛКА»

П. В. Хинко

*Белорусский государственный университет, ул. К. Маркса, 31, 220030,
г. Минск, Беларусь, hinkopolina@gmail.com*

В статье выявлены и определены агиографические традиции в рассказе Е. Поселянина «Николка» на основе житий святых Николая Чудотворца, Феодосия Печерского, Сергия Радонежского, Серафима Саровского. Произведен анализ творческого пути автора, его убеждений и мировоззрений, которые отразились в произведениях в деталях, таких как имена персонажей, возраст, место и время действия. Исходя из этого выявлены автобиографические мотивы в рассказе «Николка». Было произведено сравнение Николки с канонизированными детьми-мучениками.

Данное исследование осуществляется впервые по причине малоизученности автора.

Ключевые слова: Е. Поселянин; «Николка»; житие; дети-мученики; образ; святой.

HAGIOGRAPHIC TRADITIONS IN E. POSELYANIN'S STORY "NIKOLKA"

P. V. Khinko

*Belarusian State University, st. K. Marksa, 31, 220030,
Minsk, Belarus, hinkopolina@gmail.com*

The article identifies and defines hagiographic traditions in E. Poselyanin's story "Nikolka" based on the lives of saints Nicholas the Wonderworker, Theodosius of the Caves, Sergius of Radonezh, Seraphim of Sarov. An analysis was made of the author's creative path, his beliefs and worldviews, which were reflected in the works in detail, such as the names of the characters, age, place and time of action. Based on this, autobiographical motives in the story "Nikolka" were identified. A comparison was made between Nikolka and canonized children-martyrs.

This study is being carried out for the first time because the author has been little studied.

Key words: E. Poselyanin; "Nikolka"; hagiography; children-martyrs; image; saint.

Евгений Поселянин — духовный писатель и публицист, один из самых популярных авторов-агиографов. Он много ездил по святым местам России, чтобы собрать материалы о забытых праведниках и преданиях. Большую часть своих трудов писатель посвятил жизнеописаниям святых угодников и подвижников благочестия. Его творчество продолжалось

более четверти века и оставило заметный след в церковно-просветительской литературе [14].

Евгений Николаевич Погожев (его настоящее имя) связывал духовную и душевную жизнь человека. Он признавал, что «правдивые сказания о подвигах былых людей христианства» отделены пропастью от современной «беззаконной жизни», но пробуждают в душе ее лучшее содержание, высшие интересы, ростки которых не погибают в человеке, пока он дышит. А потому много писал о монашестве, называя его «отдушиной, через которую смотрится в небо жаждущее этого неба человечество». Его тексты по своим художественным достоинствам, эмоциональному лирическому стилю выделялись среди произведений литературы этого жанра [12, с. 566–567].

«Николка» — это рождественский рассказ Евгения Поселянина, написанный им в 1910-е годы.

Главным героем является Николка, мальчик лет семи, которым жертвуют его же близкие: мачеха столкнула его с дровень прямо к волкам на съедение, чтобы спаслись все остальные из их семьи. Михайла, отец Николки, сделал вид, что ничего не заметил. Страшно раскаявшись, они возвращаются в дом и видят мальчика спящим на лавочке — происходит рождественское чудо, которое оставляет героя живым: «Одно из ярких проявлений чуда — рождественская смерть, но не в привычном понимании, а чудо смерти. Рождественская смерть символизирует переход в божественный мир, смерть не что иное, как рождение — в чем и заключен основной смысл Рождества» [8, с. 25].

Николка сладко дремал на дровнях, он чувствовал себя в безопасности: «если б он был один, ему бы тут стало страшно, а со своей семьей на дровнях здесь было еще лучше, чем в поле» [10]. Но это чувство защищенности и доверия предало его. «Вдруг что-то потянуло его оглянуться назад», — можно подумать, что нечто вроде предчувствия заставило Николку оглянуться, но после нетрудно понять, что это «что-то» на самом деле отражает образ Христа [10]. Бог уже знал, что произойдет, он уже был рядом. А ведь он не сделал ничего плохого, был смиренным ребенком: «Он старался стоять как можно тише, чтобы чем-нибудь не рассердить мачеху. Он был очень рад, что его берут в село, и ему хотелось поскорее сесть на дровни, где его уже не за что будет бранить» [10]. А перед тем, как оказаться на снегу среди волков, мальчик стоял на коленях: «Он понимал, что, когда волки совсем нагонят, они бросятся на него первого. Он не плакал, не кричал, не бился, но весь замер» [10].

«И всюду, где проходила та сила, была торжествующая бессмертная жизнь, и не было там ни смерти, ни горя, ни сожаления» — так называемая «всепрощающая, победоносная сила» спасла мальчика от боли, стра-

дания, она избавила его от волков [10]. Вместо этого Николка оказался в чудесном месте, где природа ожила и заликовала.

История Николки отсылает нас к евангельской сцене распятия Иисуса Христа: он пролил кровь, принял свое мучение ради других людей. За все страдания Николку можно назвать мучеником, а мученичество — это отсылка к житию святого: «Покорность воле божией в действии или воздержании — основная, да, пожалуй, и единственно возможная, добродетель житийного святого» [3, с. 176].

Среди житий можно выделить два основных типа: жития-биографии и жития-мучения (мартирии). «Для жития-мучения (мартирия) эта схема слагалась обычно из следующих эпизодов: требование принести жертву языческим богам, которую отказывается выполнить христианин или целая группа верующих; „прение о вере“ между язычником, представителем власти, и христианином, причем этот диалог иногда разрастается широко, наполняется богословскими рассуждениями христианина и обвинениями его в „волшебстве и чародействе“, если мученик во время спора или в ходе мучений совершает чудеса; гиперболизированное, иногда до полного неправдоподобия, описание мучений, причем мучимый остается невредимым; чудесное исцеление мученика, если его истерзанного бросают в тюрьму, и, наконец, казнь „усечением главы“ и посмертные чудеса» [2, с. 67]. В рассказе мы наблюдаем, как родители Николки, переступают через заповедь Божию «Не убий», приносят жертву волкам, нечистой силе, а затем наступает воскрешение, чудесное исцеление мальчика, который остался невредимым после нападения.

И. И. Шпаковский в своем учебном пособии «Агиография Древней Руси» писал следующее: «Мученическая смерть была нравственной победой святого над врагами-нечестивцами, демонстрацией несокрушимой правды христианского учения» [15, с. 7].

И именно ребенок в русской традиции воспринимался как посланник небес: «Особое религиозное благоговение питалось в народе к детям, погибшим насильственной смертью, что приближает их к русским страстотерпцам и мученикам». Однако, несмотря на, что, с одной стороны, ребенок — существо невинное, символизирующее чистоту и простоту, с другой стороны, «для российской ментальности и традиционных представлений характерно было отрицание ребенка как самостоятельного существа, что зафиксировано, в частности, и в языке: этимология слова „ребенок“ восходит к слову „раб“, а слово „отрокъ“ в Древней Руси означало „не имеющий права говорить“» [1].

«Русские святые отроки были особым орудием Божиим: своей кротостью, незлобием, терпением болезней они пробуждали истлевшую совесть взрослых, их чистая жизнь служила для их вразумления и исправ-

ления» — это их особая миссия [1]. Но для ее выполнения была необходима готовность самого ребенка, его особая духовная одаренность.

Таким образом, можно сделать выводы, что подвиги детей-мучеников, «перекликаясь с подвигами страстотерпцев и юродивых», являют собой истину — «сила Божия в немощи совершается», а «сокровенная мысль христианства заключается в том, что именно ребенок есть тот идеальный человек, который был задуман Творцом» [1].

Можно выделить две группы детей-мучеников: «осознанно принявших смерть за Христа в подражание Ему <...> и не осознававших своего мученичества» [9]. Мальчика Николку можно отнести ко второй группе: он был мал и невинен, чтобы понимать что-то. Он умер, не осознавая своего мученичества.

Его образ может быть сопоставим со многими детьми-мучениками. Например, с царевичем Дмитрием Углицким, сыном царя Иоанна IV Грозного от незаконной жены (шестой или седьмой) Марии Нагой. Мальчик прожил всего восемь лет. Неизвестно доподлинно, был ли царевич Димитрий убит или погиб он по трагической случайности, но мы точно знаем, что по приказу царя была составлена грамота с описанием чудес Дмитрия Угличского и разослана по городам. Он прославлен от Господа нетлением мощей и многочисленными чудесами — исцелениями больных [9].

Далее мальчика Николку можно сравнить с преподобным Боголепом Черноярским и Астраханским. В семилетнем возрасте он получил исцеление от язвы на ноге после пострига в схиму, однако через несколько дней после пострига скончался [9]. Как в возрасте семи лет Николка спасся от волков.

Мученик Иоанн Угличский прожил только шесть лет. Житие утверждает, что он был похищен слугой своего отца, приказчиком Рудаком. Он мучил бедного мальчика и призывал признать его отцом. И за отказ Иоанн Угличский был убит. Тело нашли, а нож из головы убитого никто не мог достать, но он выпал, когда к телу подошел Рудак. Так был найден убийца, но Иоанн, явившись во снах родителям, просил о его помиловании [9]. Этим его можно сравнить с Николкой, который, будучи зверски убит, низко поклонился своим убийцам, простив их.

Перечислим некоторые общие черты, присущие детям-мученикам:

1) особое благочестие с ранних лет: строгий пост, усиленная молитва, «иной» образ жизни, чем у сверстников (таковы будущий святитель Иона или преподобный Сергей Радонежский);

2) наличие благочестивой семьи, в которой ребенок с первых дней приобщается к молитве (бывают исключения: Феодосий Печерский тяжело страдал от собственной матери);

3) «испытания»: сиротство, крайняя бедность, голод и холод, издевательства, побои, насмешки (над будущим святителем Тихоном Задонском издевались товарищи-дети, а детство праведного Иоанна Кронштадтского было бедным и голодным);

4) общее отрицание традиционной детской жизни, уклонение от игр, забав, когда, как пишет автор жития, «ребенок начат лишаться детского обычая и возненавидел игры детские»;

5) неспособность такого ребенка к учению в силу плохой памяти, непонятливости и пр.;

6) особый «мистический момент», который определяет избранничество ребенка (будущий митрополит Московский Алексей, раскинув сети для ловли птиц, внезапно уснул и вдруг услышал голос: «Зачем, Алексей, напрасно трудишься, я сделаю тебя ловцом человеков») [1].

Нам неизвестна жизнь Николки до или после произошедшего накануне Рождества, но из написанного автором можно выделить основные черты, исходя из которых мальчика можно отнести к детям-мученикам: «испытания» и особый «мистический момент».

Следующая задача — определить, что объединяет главного героя рассказа Е. Поселянина и русских святых, рассмотреть их жития.

Полным именем от сокращенного Николка является Николай. Николаем зовут и святого Николая Чудотворца. Обратимся к его житию: «Когда родился сей благословенный отрок, ему дали имя Николай, что значит победитель народов. И он, по благословию Божию, воистину явился победителем злобы, на благо всему миру. После его рождения мать его Нонна тотчас же освободилась от болезни и с того времени до самой своей кончины оставалась неплодной. Этим сама природа как бы засвидетельствовала, что у жены сей не могло быть другого сына, подобного святому Николаю: он один долженствовал быть первым и последним» [7, с. 171]. Николка тоже победитель злобы: он победил волков и своих родителей, поклонившись убийце в церкви. Настоящая мама Николки, видимо, умерла после рождения мальчика, ведь о ней ничего доподлинно неизвестно. В некотором смысле можно сказать, что она умерла потому, что не могло у нее быть другого такого сына, как Николка. И он был у нее первым и последним. А трагическая судьба Николки связана с приходом Марьи, не его настоящей матери, пародии на нее.

Говоря о жестокой матери, следует вспомнить Феодосия Печерского. За желание уйти и посетить святые места мать жестоко обошлась со своим ребенком: «Тогда мать с младшим сыном тотчас отправилась за ним и, догнав его, в сильном гневе стала наносить ему жестокие побои, повергая его на землю и попирая ногами». Однако юноша

«сносил без ропота, даже с благодарностью» [5, с. 120]. За нежеланием отпускать его скрывалась ее любовь к сыну. В итоге все закончилось тем, что она постриглась в женском монастыре. Вместе с тем она получила спасение души и возможность видеть Феодосия Печерского. Можно провести некоторую параллель, ведь мачеха Николки действительно выглядит как жестокая мать для своего пасынка, и пускай в ней не было любви для мальчика, в ней был страх перед грехом и богом, она раскаялась о содеянном, потому и была прощена.

Следующее житие для рассмотрения — житие Сергия Радонежского. Сергей родился в Ростовской области от благочестивых родителей Кирилла и Марии. Уже отсюда можно заметить сходство между мальчиком и святым — у Николки мачеху звали Марьей. Марией звали и мать Иисуса Христа.

«Достигнув семилетнего возраста, Варфоломей был отдан родителями учиться грамоте» [6, с. 518]. Ему трудно давалась учеба. Но однажды отец послал сына за лошадьми и, «привыкший беспрекословно повиноваться воле своих родителей», мальчик пошел с удовольствием, ведь он «всегда любил уединение и безмолвие» [6, с. 519]. Под дубом в поле он встретил инока или «посланного Богом ангела в иноческом образе» [6, с. 519]. Эта встреча была роковой: старец помог Варфоломею «уразуметь грамоту» [6, с. 519]. Здесь мы наблюдаем определенное сходство, ведь Николка в семилетнем возрасте тоже встретил в лесу свою судьбу. Только это означало умереть от рук мачехи, будучи съеденным волками, а после спастись.

Стоит остановиться на образах животных, встречающихся в текстах, ведь они символичны и неслучайны. Например, Сергей Радонежский в лесу встречается с дикими животными: «мимо его одинокой келии пробежали стаи голодных волков и скрывались в чаще леса, или же подходили к преподобному и как бы обнюхивали его; заходили сюда и медведи. Но сила молитвы спасала пустытника» [6, с. 523–524]. Одним днем Сергей Радонежский встретил голодного медведя, он поделился с ним хлебом. Спустя время дикий зверь сделался настолько кроток, что повиновался даже зову святого, а ведь медведь — животное, символизирующее силу и могущество. Из этого можно понять, что Сергей Радонежский сделал покорным даже самого сильного животного леса своей святостью.

А Николка встречает в лесу волков, которые угрожают его жизни, опасных и голодных хищников: «Волк смел, расчетлив и безжалостен, в отличие от своей жертвы — наивной, доверчивой и уязвимой овцы» (Мф. 10:16). А связанная с волком метафора используется для сравнения с нечестивцами, «расхищающими Божье стадо либо духовно, либо

политически и морально» [13, с. 343]. Но, как и Сергей Радонежский, Николка одержал победу над свирепым хищником, они его не тронули.

Обратимся следом к Житию Серафима Саровского.

Здесь ситуация обратная. У Серафима Саровского умерла не мать, а отец: «При смерти отца Прохору было не более трех лет от рождения, следовательно, его всецело воспитала боголюбивая, добрая и умная матушка, которая учила его более примером своей жизни, проходившей в молитве, посещении храмов и в помощи бедным» [4].

В Житие мы снова встречаемся с цифрой семь, которая занимает самое важное место в Библии: «Так, однажды, осматривая строение Сергиевской церкви, Агафия Мошнина ходила вместе со своим семилетним Прохором и незаметно дошла до самого верха строившейся тогда колокольни» [4]. Все закончилось тем, что мальчик упал на землю, но женщина увидела его целым и невредимым, когда спустилась вниз. «Мать слезно возблагодарила Бога за спасение сына и поняла, что сын Прохор охраняется особым Промыслом Божиим» — так все поняли, что Прохор был избранником Божиим от рождения своего [4].

Однажды Серафим Саровский столкнулся с проблемой: стоит ли запретить посещение женского пола на его гору, так как это могло «соблазнить и монашествующих, и мирян, склонных к осуждению»? Он стал просить, чтобы Всевышний дал ему знак «преклонением ветвей вблизи стоявших деревьев». И вот наступил праздник Рождества Христова. На следующий день, 26-го декабря, он увидел, что «с обеих сторон тропинки огромные сучья вековых сосен склонились и завалили дорожку; вечером ничего этого не было» [4]. И все это произошло на Рождество Христово, в тот день, когда умер-воскрес мальчик.

Образ леса сыграл в Житие Серафима Саровского огромную роль: «Еще в прежнее время о. Серафим, занимаясь однажды работами в лесу, при порубе дерева был придавлен им и от этого обстоятельства потерял свою природную прямогу и стройность, сделался согбенным» [4]. Святому пришлось опираться на что-то при ходьбе: «Так, эта согбенность, это уязвление в пяту, служили всю жизнь венцом победы великого подвижника над дьяволом» [4].

Здесь лес проявляет свою двойственность. Обратимся к Словарю библейских образов. Он дает следующее определение лесу в целом: «это место, не приспособленное для проживания людей и для возделывания полей. Как таковой он представляет собой заросший деревьями участок земли, требующий расчистки для его использования (Нав 17:15, 18)» [13, с. 575]. Исходя из этого, лес — место обитания диких животных, например, лис, волков, медведей, то есть хищников, — «являет собой образ ужаса» [13, с. 576]. Но в то же время лес обладает

и положительной характеристикой. Она выражается в том, что лес — это источник древесины. А древесина — это жизнь. Также лес — это символ процветания: «Как образ природы и роста лес служит также символом процветания, и это значение сохраняется даже в пророчествах о предстоящем истреблении народа» [13, с. 576]. Можно сказать, что лес — образ неоднозначный, трактуется от случая к случаю. Ко всему следует добавить, что «образ леса служит выражением Божьего суда (Ис. 10:17–19; Ос. 2:12) или восстановления (Ис. 29:17; 32:15; Мих. 7:14)» [13, с. 576].

В рассказе Е. Поселянина лес выступает одновременно страшным и уютным местом. Здесь мальчик переживает предательство и «смерть», но также и возвращение к жизни, новой жизни. Серафим Саровский же пострадал от леса внешне, но это стало доказательством его святости.

По воспоминаниям Евгения Погожева, в его родной семье следили за религиозным развитием детей, благодаря чему он приобрел в детстве «теплую любовь к русской церковности» [12, с. 565]. Об этом он подробно напишет в своем рассказе «Святочные дни», который является его воспоминаниями из детства. При анализе текста сразу бросается в глаза упоминание семилетнего возраста и Рождества, причем в одном контексте: «Было одно Рождество в моем семилетнем возрасте, которое я не забуду никогда, потому что оно было предварено несколькими, мало, может быть, видимыми событиями, которые, однако, оставили во мне глубокий след» [11]. Несложно догадаться, какое значение тогда имеет эта цифра и этот праздник для автора, раз уж он решает именно вокруг них построить свой рассказ «Николка».

Подробнее остановимся на тех событиях, о которых упоминает Е. Поселянин.

Первое из них: «Среди объявлений иллюстрированных изданий, рассылаемых перед Рождеством, к нам в дом попал один лист, на котором был изображен митрополит Филипп перед Иоанном Грозным» [11]. Подвиг Филиппа вызвал у мальчика восторг, он еще несколько дней ходил, все думая о Филиппе.

Второе — смерть Марьи Андреевны. Вот, что пишет автор по этому поводу: «Я уже был тогда уверен в бессмертии души и с детской наивностью полагал, что душа первое время по разлучении с телом видимым образом ходит по тем местам, где она жила, и я поджидал, что Марья Андреевна придет к нам в комнату ночью и не мог спать ни в эту ночь, ни в ближайшие ночи» [11]. Маленький мальчик был поражен не столько смертью, сколько своим осознанием, которое настигло его после: «И вот исчезновение близкого человека, который на днях должен был улыб-

нутья нам и теперь не придет никогда, никогда, и появление на землю чудного Младенца: эта смерть и эта жизнь сливались в одну общую тайну, образуя, быть может, в душе и весь земной век, чувство глубокого умиленного смирения перед неразрешимыми и вере лишь понятными загадками бытия» [11]. Видимо, Марья Андреевна имела для автора определенное значение в жизни, раз уж он перенес ее имя в свой рассказ.

Елки, детские праздники не интересовали Евгения Погожева: «Я помню, как ни весело бывало на всех таких сборищах, после них я чувствовал какую-то тоску» [11]. Ему хотелось чего-то большего, более таинственного. Он называет это «жаждой» и считает, что «детям <...> надо больше, больше говорить о Христе, показывать картинки, изображающие Христа беспомощным младенцем», чтобы утолить эту «жажду», которая может настичь «детей с первых сознательных годов», как она настичла его [11].

Итак, делая выводы, можно сказать, что рассказ «Николка» отчасти автобиографичен и агиографичен. В нем сокрыты мысли писателя, его пережитые чувства и воспоминания, его жизненный опыт и увлечения, его призвание. Его большая любовь к агиографиям заметно отразилась в рассказе в важных деталях, таких как имена персонажей, возраст, место и время действия. Все это было значимо для Евгения Погожева и нашло свой отклик в тексте.

Библиографические ссылки

1. *Абраменкова В. В.* Агиологическая психология детской святости [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agiologicheskaya-psihologiya-detskoj-svyatosti>. (дата обращения: 08.06.2024).
2. *Адрианова-Перетц В. П.* Сюжетное повествование в житийных памятниках XI–XII вв. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л. : Наука, 1970. С. 67–107.
3. *Берман Б. И.* Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // Художественный язык Средневековья. М. : Наука, 1982. С. 159–182.
4. *Житие* преподобного Серафима, Саровского чудотворца / священномученик Серафим (Чичагов) [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Serafim_Chichagov/zhitie-prepodobnogo-serafima-sarovskogo-chudotvortsya/ (дата обращения: 27.05.2024).
5. *Жития* святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского. Книга девятая. Май. М. : Ковчег, 2010.
6. *Жития* святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского. Книга первая. Сентябрь. М. : Ковчег, 2010.
7. *Жития* святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского. Книга четвертая. Декабрь. М. : Ковчег, 2010.

8. *Козлова Я. О.* Эволюция жанра пасхального рассказа в прозе А. П. Чехова // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-zhanra-pashalnogo-rasskaza-v-proze-a-p-chehova> (дата обращения: 04.03.2024).
9. *Лясковская Н. В.* Дети-мученики в православной агиографии // Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/deti/deti-mucheniki-v-pravoslavnoj-agiografii> (дата обращения: 27.05.2024).
10. *Поселянин Е.* Николка // Свято-Троицкая Сергиева Лавра [Электронный ресурс]. URL: <https://stsl.ru/lib/rozhdestvenskie-stikhi-i-rasskazy/evgeniy-poselyanin-1870-1931-nikolka> (дата обращения: 27.05.2024).
11. *Поселянин Е.* Святочные дни (из детских воспоминаний) // Литература и Жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/poselyanin/poselyanin_svatochnye_dni.html. (дата обращения: 27.05.2024).
12. *Православная энциклопедия* / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2020. Т. 57.
13. *Словарь библейских образов* / под ред. Л. Райкена, Дж. Уилхойта, Т. Лонгмана. СПб. : Библия для всех, 2005.
14. *Шкаровский М. В.* «Преображенские дела» 1930–1931 гг. // Христианское чтение [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44360726> (дата обращения: 04.03.2024).
15. *Шпаковский И. И.* Агиография Древней Руси XI–XIV вв.: Учеб. пособие. Минск : БГУ, 2000.